

Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

О КЛАССИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВИДОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Лингвистическая теория прецедентности — перспективное научное направление, понятийно-терминологический аппарат которого требует дальнейшего осмысления и уточнения. Как показывает представленный обзор, в последние годы традиционная (восходящая к Ю. Н. Караулову) классификация прецедентных феноменов в ее лингвокогнитивном и лингвокультурологическом вариантах (прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентная ситуация) существенно пополняется, детализируется и уточняется (можно назвать таких исследователей, как С. Г. Воркачев, И. В. Высоцкая, Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Л. А. Мардиева, Е. А. Нахимова, Г. Г. Слышкин и др.). При конкретном анализе прецедентности целесообразно учитывать и такие феномены, как прецедентное событие, прецедентный поступок, прецедентный знак, прецедентный визуальный образ, прецедентное изображение, прецедентный жест, прецедентное звучание и др. Обоснованным представляется введение термина «прецедентный мир», в рамках которого разнообразные прецедентные феномены объединяются благодаря хронологической и пространственной близости и смысловым связям (как комплексные лингвоконцептологические образования рассматривались прецедентные миры «Великая Отечественная война» и «Империю Наполеона Бонапарта»). Важное направление развития теории прецедентности — ее взаимодействие с теорией креолизованных текстов, которые отличаются взаимодействием вербальной, визуальной, аудальной и иных видов прецедентности. Различия в подходах к классификации часто объясняются особенностями методов исследования и задач, которые ставят перед собой авторы, а также тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; теория прецедентности; виды прецедентности; прецедентные феномены; прецедентные тексты; прецедентные имена; прецедентные ситуации; прецедентные события; прецедентные поступки; прецедентные высказывания; прецедентные знаки; визуальный образ; прецедентные концепты; архетипические концепты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

*Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь.
Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).*

Принципы классификации и дифференциации — одна из наиболее дискуссионных проблем теории прецедентности [Высоцкая 2013; Голубева 2010; Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997; Кушнерук 2006; Назарова, Золотарев 2015; Мардиева 2016а; Нахимова 2011 и др.]. Выбор той или иной концепции зависит от цели и задач исследования, от рассматриваемого материала и аспекта исследования, от научной школы, к которой принадлежит автор, и многих иных факторов.

Всякая систематизация прецедентных феноменов закономерно начинается с определения их сущности и формулирования оснований для рубрикации. Современные российские лингвистические исследования проблем прецедентности, как правило, восходят к монографии Ю. Н. Караулова, где был обоснован новый подход к изучению прецедентности, в рамках которого к сфере прецедентности оказалось возможным отнести самые разнообразные единицы — лексемы, фразеологизмы, высказывания, тексты, а также невербальные феномены, поскольку произведения архитектуры, живописи, музыки — это тоже своего рода «тексты», а их названия (храм Христа Спасителя, картина «Опять двойка!», балет «Спартак» и др.) составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков [Ка-

раулов 1987]. К сфере прецедентности исследователь относит «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации. Соответственно прецедентными называются тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Далее автор называет способы введения указаний на прецедентные тексты: цитату, название текста, обозначение ситуации, имя автора или персонажа, что значительно расширяет представления о формах присутствия «чужого слова» в тексте и дискурсе.

Новым этапом в развитии рассматриваемой теории стала концепция прецедентных феноменов, ведущее место среди которых занимают прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена [Гудкова, Захаренко, Красных, Багаева 1997; Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997]. В этом случае прецедентные феномены исследуются с позиций прагматической и когнитивной значимости их

реализации в процессе «непосредственной коммуникации» (по терминологии В. В. Красных), при рассмотрении которой значительное внимание уделяется способности коммуникантов оперировать культурно значимой информацией, воплощенной в лингвоментальной базе человека и социума.

Еще один вариант лингвистического подхода к прецедентности связан с концептуализацией как одной из центральных проблем когнитивной лингвистики и научным направлением, которое нередко определяют как концептуальные исследования (исследование конкретных концептов). В рамках указанного направления отчетливо различаются лингвокогнитивный и лингвокультурологический варианты. В первом случае концепт воспринимается как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90].

Лингвокогнитивный вариант концептуальных исследований широко представлен в исследованиях Тамбовской школы когнитивной лингвистики во главе с Н. Н. Болдыревым. При данном подходе в центре внимания оказывается концепт как особая единица знания, которая «встраивается в концептуальную систему и помогает человеку выйти за границы его индивидуального опыта, отражает сведения о менталитете отдельного человека, сообщества людей, народа, нации; иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке» [Щербак 2007: 41].

При лингвокультурологическом понимании концепт — «это, прежде всего, вербализованный культурный смысл, и он „по умолчанию“ является *лингвокультурным* концептом (лингвоконцептом) — семантической единицей языка культуры» [Воркачев 2009: 10]. В исследованиях Г. Г. Слышкина и его последователей прецедентные феномены рассматриваются как особого рода концепты — единицы, которые принадлежат сознанию, детерминируются культурой и определяются в языке [Слышкин 2000: 9]. Исследователь выделяет особую прецедентную концептосферу — группу концептов, которые ориентированы «на утверждение уникальности и культурной значимости индивидуального объекта» и «обеспечивают мыш-

ление и коммуникацию средствами наглядности и иллюстративности» [Слышкин 2004: 116]. Используя тщательно разработанную многоаспектную методику, автор ярко демонстрирует особенности в восприятии одних и тех же концептов на разных этапах развития общества представителями различных социальных, национальных, профессиональных и иных групп.

В последние годы неоднократно высказывалось мнение о необходимости учитывать все многообразие проявлений прецедентности и соответственно совершенствовать понятийно-терминологический аппарат рассматриваемой теории. В частности, вполне обоснованным представляется введение термина «прецедентный мир», в рамках которого разнообразные прецедентные феномены объединяются благодаря хронологической и пространственной близости и смысловым связям [Слышкин 2004]. Ярким примером такого комплексного лингвоконцептологического образования может служить прецедентный мир «Великая Отечественная война» [Лавриненко 2007] или прецедентный мир «Империя Наполеона Бонапарта» [Нахимова, Постникова 2015]. В последнем случае основным связующим стержнем для выделения прецедентного мира оказывается не столько время и пространство, сколько выдающаяся личность, создающая вокруг себя целый мир прецедентных имен, высказываний, текстов и ситуаций.

В нашей монографии 2011 г. разграничены прецедентные миры, восходящие к сфере искусства, сфере реальности и сфере религии, которые, в свою очередь, подразделяются на субсферы (литература, живопись, кино, история, политика, техника и др.); возможна также более дробная рубрикация, например, автономный анализ прецедентности, восходящей к творчеству А. С. Пушкина или Н. В. Гоголя [Нахимова 2011].

Еще одним направлением развития теории прецедентности оказываются попытки более детальной классификации тех или иных прецедентных феноменов. Например, наряду с традиционно выделяемыми прецедентными ситуациями, имеет смысл рассматривать прецедентные события. При таком подходе прецедентная ситуация характеризуется определенной стабильностью, тогда как прецедентное событие — это динамичный феномен, который воспринимается как цепь сменяющих друг друга ситуаций. Например, метафора «**Титаник подходит к айсбергу. Раскол КПРФ возможен. Но не по кремлевскому**» (Известия) представляет прецедентную ситуацию, тогда как метафора

«Финансовый „Титаник“ неизбежен» — это прогнозирование прецедентного события, включающее сменяющие друг друга фреймы «путешествие на комфортабельном судне», «неожиданное столкновение с айсбергом», «гибель судна, его экипажа и пассажиров». К числу прецедентных событий можно отнести также гибель «Варяга», защиту Брестской крепости или «встречу на Эльбе». Ср.: *Все три российских лидера видели некую срединную точку в отношениях, путь к которой должны пройти обе стороны... К началу века Россия свой путь к точке предполагаемой „встречи на Эльбе“ практически прошла* (Известия).

В качестве особой разновидности прецедентности можно рассматривать также прецедентный поступок: примером здесь может служить подвиг Александра Матросова, который закрыл своим телом амбразуру, или же выступление на суде пионера Павлика Морозова, который разоблачил «преступления» родного отца. Показательны в этом отношении следующие метафоры. *У нас ведь была знакомая семья, где сын подслушивал разговор родителей, ляпнувших лишнее, и стал их шантажировать, требуя купить игрушечный паровоз. — Павлик Морозов хренов!* (Российская газета). *Комсомольский билет вел на штурм Перекопа, согревал сердца строителей Магнитки и Комсомольска-на-Амуре, поднимал Матросовых навстречу урагану свинца фашистских пулеметов* (Правда).

В группе, традиционно обозначаемой как прецедентные имена, оказывается полезным дифференцировать прецедентные антропонимы (Наполеон, Кутузов, Фуше), прецедентные топонимы (Березина, Тулон, Бородино) и иные ономастические разряды прецедентных феноменов [Нахимова 2011]. Вполне обоснованно также выделение календарной прецедентности, когда то или иное событие (и ему подобные) обозначается как «термидор», «Октябрь (Великий Октябрь)», «тридцать седьмой год», «11.09» и др. Показательны, в частности, следующие примеры метафорического использования календарных обозначений: *В Тегеране сейчас своего рода 37-й год, а в роли Сталина — Ахмадинежад. Старых „большевиков“ и оппозицию просто убивают* (Комсомольская правда). *Представители „ленинской гвардии“ вплоть до прискорбного конца дней своих занимались поисками наступившего „термидора“ (который в самом деле наступил, но лишь в конце 1993 г.) — столь сильно было желание подогнать жизнь под историю французской революции* (Известия). *У нас уже было два трагических Фев-*

раля: первый, календарный, в 1917-м, второй — в декабре 1991 года был таким же „безумием элиты“ (Российская газета).

При рассмотрении разновидностей прецедентных онимов в нашей монографии охарактеризованы аксиологема *Керенский*, идеологема *Сталин*, мифологема *Александр Невский*, хрононим *Смутное время*, а также прецедентные неологизмы, архаизмы, регионализмы и окказионализмы [Нахимова 2011: 134—203]. Предметом исследования Е. М. Семеновой стал прецедентный архетипичный концепт *Dark Ages* и его метафтонимическая актуализация [Семенова 2017]. Возможно, подобный аспект характеристики прецедентных концептов станет общепринятым.

Во многих исследованиях, начиная с основополагающей монографии Ю. Н. Караулова, разграничиваются прецедентные феномены вербального и невербального характера [Караулов 1987], а также вербального, визуального и аудиального. Так, в диссертации А. А. Евтюгиной рассматриваются не только вербальные, но и музыкальные прецедентные знаки [Евтюгина 1995]. Особенно детальная классификация невербальных прецедентных единиц представлена в диссертации Ю. Б. Пикулевой, которая обнаружила в телевизионной рекламе такие невербальные компоненты, как узнаваемые голоса, музыкальные цитаты, культурно значимые предметы вещного мира, типовые жесты, поведенческие формулы, ритуалы и др. [Пикулева 2003].

Детальный анализ прецедентных визуальных образов представлен в публикациях Л. А. Мардиевой, которая при анализе печатных СМИ разграничивает иконические прецедентные феномены (фотографии, карикатуры, рисунки и др.) и прецедентные жестовые феномены (прецедентные жесты, прецедентные жестовые стигматы), к числу которых относят не только собственно жесты, но и позы, размещение, телодвижения, взгляды [Мардиева 2016б: 290—293].

Требуется дальнейшая разработка теории и практики исследования креолизованных текстов, которые отличаются взаимодействием вербальной, визуальной, аудиальной и иных видов прецедентности [Ворошилова 2013; Voroshilova, Solopova 2016 и др.].

Специалисты выделяют также некоторую зону переходности между вербальной и невербальной прецедентностью. Сюда относят, в частности, использование в российских текстах элементов латиницы: «БерёЗка», «Дружба». «ОбLADaть» (реклама автомобильной марки «Лада»). Аналогичные слу-

чаи наблюдаются в современных англоязычных рекламных текстах, где эпизодически встречаются кириллические вкрапления, т. е. вместо букв английского алфавита, созданного на основе латиницы, используются графически сходные буквы русского алфавита, который, как и алфавиты ряда других народов, восходит к азбуке, созданной православными святыми Кириллом и Мефодием. Примером может служить написание «*Russia*» (*Russia*), где вместо английской буквы U использована отдаленно напоминающая ее русская буква Ц. Подобные факты одни исследователи характеризуют как графические окказионализмы, другие рассматривают с точки зрения концепции иноязычных вкраплений, третьи анализируют как проявление языковой игры, но вполне возможна и интерпретация подобных написаний как использования прецедентных знаков [Высоцкая 2012]. К числу прецедентных знаков (прецедентных символов) относят также красную звезду, серп и молот, изображение Кремля и др.

Ярким примером использования разнообразных ресурсов вербальной и невербальной прецедентности сможет служить обложка книги Юрия Галеновича «Россия: взгляд из Китая» (рис.).

Рис. Обложка книги Ю. М. Галеновича

Центральное место занимают традиционные символы России (медведь) и Китая (дракон) на фоне соответствующих государственных символов — российского триколора и китайского красного знамени с золотыми звездами разной величины. Медведь и Дракон изображены в антропоморфном облике: на них пиджаки, галстуки, светлые рубашки, они жмут друг другу конечности и улыбаются, как вежливые дипломаты, хотя

отчетливо видны острые клыки.

Особый прецедентный знак — стилизованное написание букв: кириллица — традиционный символ России, но в слове «Китай» славянские буквы очень напоминают иероглифы.

Заканчивая наш обзор, отметим, что теория прецедентности в ее лингвокогнитивном и лингвокультурологическом вариантах стремительно развивается, а поэтому вполне закономерно стремление к расширению, уточнению и детализации традиционной классификации прецедентности. Во многих случаях использование новых терминов (прецедентное событие, прецедентный поступок, прецедентный знак, прецедентный концепт, прецедентный визуальный образ, прецедентное изображение, прецедентный жест, прецедентное звучание, прецедентный архетипический концепт и др.) позволяет точнее охарактеризовать варианты прецедентности, выявить существенные нюансы, обнаружить новые закономерности. Важное направление развития теории и практики использования прецедентности — ее взаимодействие с теорией креолизованных текстов, рассмотрение совмещения возможностей вербальной и невербальной прецедентности. Вместе с тем обнаруженные различия в подходах к классификации часто объясняются особенностями методов исследования и задач, которые ставят перед собой авторы, а также тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. — Волгоград: Перемена, 2009. 190 с.
2. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 194 с.
3. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1. С. 117—137.
4. Высоцкая И. В. О прецедентном знаке / Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 6: Журналистика. С. 134—141.
5. Евтюгина А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1995. 23 с.
6. Галенович Ю. М. Россия: взгляд из Китая. — М.: Яуза: Эксмо, 2017. 141 с.
7. Голубева Н. А. Когнитивный аспект прецедентных единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3 (24). С. 28—34.
8. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентные высказывания как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. — М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 82—103.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. 261 с.
10. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
11. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в си-

стеме других единиц языка и в коммуникации // Вестн. МГУ. Серия 9, Филология. 1997. № 4. С. 106—117.

12. Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2006. 22 с.

13. Лавриненко Т. А. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2007. 17 с.

14. Мардиева Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпретация в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. — Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2016а. 348 с.

15. Мардиева Л. А. Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов) : дис. ... д-ра филол. наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. — Казань, 2016б. 412 с.

16. Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Изв. Саратов. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 17—23.

17. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 276 с.

E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

CLASSIFICATION AND DIFFERENTIATION OF THE TYPES OF PRECEDENT PHENOMENA IN POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The linguistic theory of precedence is a promising scientific field, the concepts of which need to be developed and defined. As the review shows, traditional classification of precedent phenomena (worked out by Yu.N. Karaulov) and its linguo-cognitive and linguo-culturological variants (precedent text, precedent phrase, precedent name and precedent situation) are expanded and specified (in the works of S.G. Vorkachev, I.V. Vysotskaya, D.V. Bagayeva, D.B. Gudkov, I.V. Zakharenko, V.V. Krasnykh, L.A. Mardieva, E.A. Nakhimova, G.G. Slyshkin, and others). When analyzing precedence, it is necessary to include such phenomena as precedent event, precedent act, precedent sign, precedent visual image, precedent picture, precedent gesture, precedent sound, etc. Introduction of the term “precedent world” is timely as it unites different precedent phenomena due to their chronological or spatial proximity and semantic connections (such precedent worlds as “The Great Patriotic War” and “The Empire of Napoleon Bonaparte” have been studied as linguo-conceptological unities). An important tendency of precedence theory development is its combination with the theory of creolized texts, which studies texts built on the basis of verbal, visual, audio or some other type of precedence. The differences in classification are often caused by the methods and goals of research, as well as the type of discourse (scientific, literature, mass media, everyday, political, discourse of art, etc).*

KEYWORDS: *political communication; theory of precedence; types of precedence; precedent phenomena; precedent texts; precedent names; precedent situations; precedent events; precedent acts; precedent phrases; precedent signs; visual image; precedent concepts; archetypal concepts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

REFERENCES

1. Vorkachev S. G. Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture. — Volgograd : Peremena, 2009. 190 s.
2. Voroshilova M. B. Politicheskiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochneniyu / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 194 s.
3. Vysotskaya I. V. Spornye voprosy teorii pretsedentnosti // Kritika i semiotika. 2013. № 1. S. 117—137.
4. Vysotskaya I. V. O pretsedentnom znake / Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11, vyp. 6 : Zhurnalistika. S. 134—141.
5. Evtyugina A. A. Pretsedentnye teksty v poezii V. Vysotskogo (k probleme idiosyllaby) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 1995. 23 s.
6. Galenovich Yu. M. Rossiya: vzglyad iz Kitaya. — M. : Yauza : Eksmo, 2017. 141 s.
7. Golubeva N. A. Kognitivnyy aspekt pretsedentnykh edinit / Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 3 (24). S. 28—34.
8. Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagayeva D. V. Pretsedentnye vyskazyvaniya kak simvol pretsedentnykh fenomenov // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. — M. : Izd-vo MGU, 1997. S. 82—103.
9. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Nauka, 1987. 261 s.
10. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Lutzina L. G. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. — M. : Izd-vo MGU, 1996. 245 s.

18. Нахимова Е. А., Постникова А. А. Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. 197 с.

19. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003. 23 с.

20. Семенова Е. М. Прецедентный архетипичный концепт «Dark Ages» и его метафотонимическая актуализация в политическом медиадискурсе США // Политическая лингвистика. 2017. № 1. С. 155—160.

21. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. — Волгоград : Перемена, 2004. 240 с.

22. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М. : Академия, 2000. 128 с.

23. Щербак А. С. Концептосфера языка как ментальная основа формирования топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 40—45.

24. Voroshilova M., Solopova O. Discursive metaphors in creolized texts // SGEM Social Sciences and Arts International Conference, Austria, Vienna, 28—31 March, 2017. — 2017. Volume 1. Language and Linguistics. P. 65—71.

11. Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Bagayeva D. V. Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugih edinit yazyka i v kommunikatsii // Vestn. MGU. Seriya 9, Filologiya. 1997. № 4. S. 106—117.

12. Kushneruk S. L. Sopotavitel'noe issledovanie pretsedentnykh imen v rossiyskoy i amerikanskoy reklame : dis. ... kand. filol. nauk. — Chelyabinsk, 2006. 22 s.

13. Lavrinenko T. A. Pretsedentnyy mir «Velikaya Otechestvennaya voyna» v russkoy lingvokul'ture : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2007. 17 s.

14. Mardieva L. A. Sotsiokul'turnaya real'nost' i ee interpretatsiya v mediatekstakh. Opyt integrativnogo issledovaniya. — Kazan' : Kazan. (Privolzh.) feder. un-t, 2016a. 348 s.

15. Mardieva L. A. Virtual'naya deystvitel'nost' v yazykovoy i vneyazykovoy reprezentatsii (na materiale mediatekstv) : dis. ... d-ra filol. nauk / Kazan. (Privolzh.) feder. un-t. — Kazan', 2016b. 412 s.

16. Nazarova R. Z., Zolotarev M. V. Pretsedentnye fenomeny: problemy definitsii i klassifikatsii pretsedentnykh fenomenov // Izv. Saratov. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2015. T. 15, vyp.2. S. 17—23.

17. Nakhimova E. A. Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 276 s.

18. Nakhimova E. A., Postnikova A. A. Napoleonovskaya epokha v kommunikativnoy pamyati Rossii i Frantsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. 197 s.

19. Pikuleva Yu. B. Pretsedentnyy kul'turnyy znak v sovremennoy televizionnoy reklame: lingvokul'turologicheskiy analiz : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2003. 23 s.

20. Semenova E. M. Pretsedentnyy arkhetyipichnyy kontsept «Dark Ages» i ego metaftonimicheskaya aktualizatsiya v politicheskom mediadiskurse SShA // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 1. S. 155—160.

21. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty. — Volgograd : Peremena, 2004. 240 s.

22. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse. — M. : Akademiya, 2000. 128 s.

23. Shcherbak A. S. Kontseptosfera yazyka kak mental'naya osnova formirovaniya toponimov // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2007. № 3. S. 40—45.

24. Voroshilova M., Solopova O. Discursive metaphors in creolized texts // SGEM Social Sciences and Arts International Conference, Austria, Vienna, 28—31 March, 2017. — 2017. Volume 1. Language and Linguistics. P. 65—71.